

Психосемантическое содержание макротезаурусов «Я» взрослых, зрелых и пожилых людей*

Е. Е. Сапогова

доктор психологических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет.
Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0002-0581-7429. E-mail: esapogova@yandex.ru

Аннотация. Исследование проведено в рамках разрабатываемого автором экзистенциально-нарративного подхода и является частью проверки гипотезы о четырехуровневой структуре персонального тезауруса, представленной метауровнем (субъективной онтологией личности), макроуровнем (макроконцептами «Я» и «Жизнь»), мини-уровнем (концептами-экзистенциалами) и микроуровнем (смысловыми концептами-квантами). Представлены результаты эмпирического исследования макротезаурусов «Я», в котором участвовали три возрастные группы респондентов: 30 «молодых взрослых» (30–40 лет), 30 зрелых (45–60 лет) и 30 пожилых (старше 65 лет). В исследовании использовалась авторская психологическая методика «Смысловой тезаурус личности». Показано, что при совпадении трех системообразующих семантических единиц («Я – любимый/любящий/нуждающийся в любви», «Я – стремящийся/устремленный», «Я – это моя семья/дети») в макротезаурусах «Я» имеются различия, связанные с процессами предшествующей социализации и с экзистенциальным опытом субъекта. В выборке 30–40-летних респондентов макротезаурус «Я» предстает как совокупность следующих центральных единиц: «Я – мужчина/женщина», «Я – человек», «Я – личность», «Я – активный», «Я – испытывающий удовольствие от жизни». В группе респондентов 45–60 лет центральными единицами макротезауруса «Я» можно считать концепты «Я – мать (материнство)/отец (отцовство)», «Я – мудрый», «Я – счастливый», «Я – ответственный», «Я – преданный», «Я – дружелюбный», «Я – творческий», «Я – понимающий», «Я – служащий [своей семье, стране]». Для группы респондентов старше 65 лет макротезаурус «Я» центрирован на концептах: «Я – это моя работа (Я – работник, трудяга)», «Я – созидающий/созидатель», «Я – заботящийся [о других]», «Я – добрый/доброжелательный/милосердный», «Я – ответственный», «Я – радующийся», «Я – мудрый/умудренный жизнью», «Я – внесший личный вклад [в общество, в жизни других людей, в профессию]», «Я – исполняющий/исполнивший свой долг», «Я – приносящий пользу [другим]», «Я – принимающий самого себя, как есть», «Я – опытный», «Я – познающий/познавший самого себя».

Ключевые слова: персональный (личностный) тезаурус, макротезаурус «Я», аутопоэзис, концепт, личность

Тот предмет, который я изучаю больше всякого иного, – это я сам.

М. Монтень

Смещение интереса гуманитарных наук от кантовских «ноуменов» [10] к феноменам сознания («projects of things» [40, с. 403]) сделало психосемантический анализ содержания «Я» востребованной психологической практикой, одним из аспектов которой является изучение индивидуальных тезаурусов. Понятие тезауруса как персонально упорядоченного ментального словаря личности, позволяющего структурировать, осознавать, визуализировать и даже символизировать личный опыт, достаточно активно входит в лексикон современной психологии, иногда позиционируя себя как основание новой парадигмы гуманитарного знания [7; 8; 13; 16; 17; 34; 37; 39; 42]. Современные философия и психология во многом могут характеризоваться как *концептология* [2, с. 8], где «общение концептов востребуется каждым человеком для умножения и восполнения себя» [21, с. 50].

Тезаурусная презентация «Я» позволяет приблизиться к пониманию содержания индивидуального сознания, распознать то, что субъект воспринимает как свое, имеющее к нему

отношение и составляющее часть его личности. Совокупность смысловыражающих единиц персонального тезауруса не просто фиксирует личный опыт, но образует *функциональную динамическую систему*, самоорганизующуюся в процессе его пополнения, переработки и структурирования. В этом плане тезаурус постоянно находится в состоянии *de novo*: в бесконечном потоке опыта он регулярно обновляется и перестраивается, обогащая и вписывая имеющиеся единицы в актуальные для данного субъекта жизненные контексты, отвечая его текущим экзистенциальным приоритетам. В широком смысле тезаурус всегда релевантен ситуации «здесь и сейчас» конкретного человека.

Персональный тезаурус (автотезаурус) представляет собой специфическую часть индивидуального ментального словаря, содержащего системно представленные ключевые единицы экзистенциального опыта человека [30], фиксированные в системе понятных ему и принятых им образов и категорий. Со временем образовавшийся персональный тезаурус становится *средством смыслового кодирования экзистенциального опыта* [31] человека, позволяя использовать его единицы и смысловые синтагмы «в качестве правил, принципов, алгоритмов в ходе дальнейших действий» [27, с. 188]. В этой функции персональный тезаурус оказывается не просто метаязыком самоописания и самоупорядочивания опыта, но еще и средством самоуверения для личности и конструирования ею собственного «Я». Более того, «Я» в этом случае раскрывается в качестве самоподдерживающейся системы» [25, с. 95]. Как писал К. Ясперс, «я емь то, чем я становлюсь; не то, в качестве чего я пассивно расту, подобно простой жизни, но то, в качестве чего я, приходя к себе самому в среде саморефлексии, *хочу себя самого*» [38, с. 17; курсив наш.—Е. С.].

Любой концепт персонального тезауруса дан личности *вместе с ее отношением* к той области экзистенциального опыта, которую он фиксирует: чем более значимой и эмоционально насыщенной является некая сфера реальности, тем шире и детальнее она представлена в нем. Личностный тезаурус строится не от общего к частному, а *от своего к чужому*, где свое выступает заместителем общего [17], а сам субъект в построении тезауруса следует преимущественно за субъективными убеждениями в истинности значений некоторых пережитых фактов и событий, за не всегда четко рефлекслируемыми, а иногда и вовсе интуитивными переживаниями [42]. Кроме того, индивидуальные тезаурусы тесно связаны с актуальными *потребностями* личности, в том числе экзистенциальными – в установлении связей, в корнях, в преодолении, в преданности, в самоидентификации и т. д.

Контуры персонального тезауруса удерживают растекающийся и исчезающий со временем опыт в конкретной, субъективно определенной как значимой структуре, и в этом плане нам представляется продуктивным различие «реальности» и «действительности», предложенное Г. Ротом [28]. В контекстах нашей работы под «действительностью» уместно понимать непосредственные опытные переживания, ощущения и пр., шифрованные и считываемые в терминах заданного тезаурусом жизненного мира личности, а под противопоставляемой ей «реальностью» – весь трансфеноменальный мир, остающийся за пределами личностных категоризаций и осмыслений, служащий одним из источников опыта, из которого новый опыт поступает в «действительность» с помощью «ловчих сетей» тезауруса.

В свое время Ю. М. Лотман, анализируя самописание, характеризовал его как процесс индивидуальной централизации и иерархизации внутреннего пространства, в котором нечто образует центр и начинает работать как метаструктура (метаязык). «В этом смысле самописание функционирует как механизм исключения. Всё, что непеременно в термины метаязыка, несущественно и вытесняется за пределы семиотического пространства как несуществующее» [15, с. 564]. Это делает сверхзначимым содержание, функционирующее во «внутренних» границах самоописания, делая его системообразующим в деятельности самосознания. Таким образом, статус самоидентификации повышается и, следовательно, возрастает организующая роль личного тезауруса.

Добавим, что построение и последующее использование тезауруса в процессах социализации и индивидуации одновременно созидает также и внутреннее субкультурное пространство, жизненный мир конкретного субъекта, которое в определенном смысле формирует у него ощущение объективности собственного «Я».

Используемый личностью тезаурус можно считать *кодом-посредником* между внешней и внутренней реальностями (или, в терминах Г. Рота, реальностью и действительностью), соединяющим мотивационно-потребностную направленность человека с объектами и происшествиями внешнего мира. В сформулированной нами ранее гипотезе [31] персональный

тезаурус представлен *иерархией* макро-, мини- и микротезаурусов, сфокусированных на ключевых эпизодах экзистенциального опыта личности, которым в индивидуальной рефлексии был придан статус *событий*.

Верхний уровень иерархии (*метауровень*) образует *субъективная онтология*, задающая организационный принцип и структуру всех используемых субъектом тезаурусов, в том числе и личностного. Следующий за ним *макроуровень* образуют два смежных системообразующих макротезауруса с ядерными *макроконцептами* «Я» и «Жизнь». От них берут начало многочисленные мини- и микротезаурусы с их мини-концептами-экзистенциалами и микроконцептами-квантами (квантами смысла), образующими сложно переплетенную *тезаурусную сеть*. Используя в нашей модели понятие концепта, мы понимаем его как «совокупность всех знаний, понятий, ассоциаций, переживаний, как воображаемых, так и реальных, как вербальных, так и невербальных, особым образом структурированных в ментальном пространстве субъекта, которые актуализируются в сознании... при восприятии... некоего слова – имени концепта» [35, с. 47].

Понятие собственной жизни, фиксирующее фундаментальные основания человеческого существования в мире, наличия и разворачивания его уникального единичного бытия, занимает центральное место в сознании, поскольку совершенно невозможно мыслить о себе, да и вообще о чем бы то ни было в плоскости небытия [29]. Заставая себя при первом же осознании уже наличествующим, живущим, естественно следующим шагом определиться с тем, «кто я есть», «какой я». Макроконцепт «Я» содержит представления личности о самой себе [14], оценки ею самой себя.

Мини-уровень персонального тезауруса очерчен актуальной совокупностью *концептов-экзистенциалов* [4] – принятых личностью априорных фреймов, задающих формы самосмысления. Становясь сверхзначимым на определенном этапе жизни, такой концепт-экзистенциал (или их совокупность) начинает выполнять смысло- и системообразующую функцию, определяя на нем направление, цели и стратегии существования, ход размышлений, модус и логику поведения человека. Нижний, погруженный в непосредственные контексты индивидуального существования *микроуровень* персонального тезауруса образован *микроконцептами* (*концептами-квантами*) – мельчайшими онтологическими единицами жизненного мира личности, фиксирующими ее самобытный опыт. Они уже не поддаются какой бы то ни было классификации и имеют идеографический характер, сплавляя в своем содержании образ и смысл, а потому понятны только человеку, означившему их определенным именем.

Вслед за анализом уровня субъективной онтологии [32] и содержания макротезауруса «Жизнь» [29] мы обратились к изучению макротезауруса «Я», поскольку без определения его психосемантического содержания вообще невозможно никакое движение в смысловом поле сознания.

В современной психологии «Я» – фигура со многими измерениями, доступная познанию именно через эти измерения, сама оставаясь, по сути, недостаточно определенной. Говоря о «Я», мы можем иметь в виду чуть ли не весь личный космос: «Я – это выбор / Я – это принадлежность / Я есть роль / Я – это тело / Я есть никто / Я – это возможность / Я – это Ты / Я – это Мы / Я – это Оно / Я – это время / Я – это все / Я – это Я» [5, с. 5] – и это еще далеко не полный список возможных измерений. Макротезаурус «Я» выступает как особая структура самосознания, обладающая *собственной иерархичностью*. Его содержание предполагает большое разнообразие предикатов (реальное и идеальное «Я», динамичное, когнитивное, феноменальное, социальное, духовное, физическое, интимное, публичное, моральное, семейное, «подлинное» и т. д. [1; 6; 12; 20; 24; 28; 33; 41]), делающих его ядерным для многочисленных мини- и микротезаурусов, связанных с репрезентацией личностных черт, возрастных, этнических и телесных особенностей, навыков и способностей, габитуса, социальных и профессиональных ролей, образа жизни, активности личности, ее рефлексии отношения к ней со стороны других, размышлений, воспоминаний, сновидений и т. д.

Приближаясь к содержательному анализу «Я», исследователь застает в нем разные аспекты самопонимания и самоотношения, переживание ментальных состояний, характеристики эмоциональных процессов, стилевые особенности человека, рефлексия (в том числе биографическую [11]), воображаемые конструкции, воспоминания, установки, процессы самосимволизации и самометафоризации и т. д. Именно для них тезаурус и является метаязыком самоуверенности, работающим, прежде всего, на самого субъекта, но также и на его самопрезентацию для других.

Традиционно содержание «Я» исследуется в психологии в контекстах «Я-концепции» («образа Я»), но не менее продуктивным оказывается его рассмотрение в контексте самоописаний/аутопоэзиса (др.-греч. αὐτός – сам, ποιησις – сотворение, производство) [2; 18; 19; 21; 36]. В качестве опорного тезиса для анализа макротезауруса «Я» мы воспользовались положением теории У. Матураны и Ф. Варелы [19] (транспонировав его на психологический материал), что человек, как все живые существа, является *аутопоэзной системой*, то есть обладает способностью к порождению, «строительству» себя из созданных им же компонентов (в нашем контексте – концептов), фиксирующих определенные смысловые оттенки действительности человека. На наш взгляд, данный тезис корреспондирует с созиданием себя как личности в процессе жизнеосуществления [22], а также с индивидуальным определением психосемантических границ «Я» – «Не Я».

Мы также разделяем идею С. А. Смирнова, что аутопоэзис выступает как «выработка культурного ресурса развития» самой личностью для самой себя из практик и структур повседневности, как превращение их в *практику экзистенциальную*, а также как пребывание человека в режиме самоопределения и самопреодоления [36, с. 7–8]. Изучение экзистенциальных контекстов существования человека через используемый им макротезаурус «Я» является в известном смысле ключом к пониманию способа его жизни. Оказываясь в основе самопонимания и интерпретации своего и чужого поведения, целеполагания, отношений, жизни в целом и пр., он способен открыть доступ к уникальному смысловому полю личности, сложившемуся как результат единичной жизни, вовлеченной в широкие социокультурные контексты и хронотопы.

Преломление опыта через конкретный макротезаурус «Я» способствует осмыслению себя как, к примеру, «человека печали», «человека боли», «человека заботы», «человека труда», «человека прищуренного взгляда», «человека слабости» и др. [23]. Так, «человек боли», насильственно захваченный бытием, имеет принудительно-репрессивное свидетельство подлинности этого бытия и самосознания [Там же, с. 47], «человек печали», испытывающий обиду по отношению ко всему миру, не надеется «постичь непостижимое» и не стремится к этому, «человек труда» подменяет жизнь имитацией трудового подвига, пытаясь заполнить ее экзистенциальную пустоту. Использование соответствующего набора концептов косвенно способствует как выбору человеком неподлинного существования в мире, так и поиску своей подлинности и превращению себя в «человека любви», «человека благодарности» [3, с. 42].

Методика «Смысловой тезаурус личности». Для изучения экзистенциально-психологического содержания макротезауруса «Я» нами была сконструирована психосемантическая методика полупроективного типа «Смысловой тезаурус личности», в которую вошли 20 заданий на выбор вербальных, образных, символических ассоциаций со смыслообразующим концептом «Я», на его паремическое и метафорическое осмысление, на соотнесение собственной модели «Я» с архетипическими, литературными и другими, известными из повседневных дискурсов, литературы и искусства, на осевое и центральное/периферическое размещение содержания концепта в семантических полях экзистенциальных дихотомий, на конструирование экзистенциальных словарей «Я», на соотнесение содержания концепта «Я» с базовыми модусами существования и экзистенциальными логиками жизни [30]. Схема исследования была аналогична определению психосемантического наполнения макротезауруса «Жизнь» [29].

Исследование было проведено в трех возрастных группах по 30 человек (15 мужчин и 15 женщин): «молодые взрослые» (30–40 лет), зрелые (45–60 лет) и пожилые (старше 65 лет). Обработка результатов носила интерпретативный (качественный) характер. Полученные данные позволили сделать ряд выводов.

Результаты. Макротезаурусы «Я» представителей трех возрастных групп отчетливо фиксируют как индивидуальные различия на уровне ментальных установок, образов и понятий, которыми оперирует конкретное сознание, так и межпоколенные различия. Этот вывод иллюстрирует табл. 1, где представлены ответы, сходные для 50 % и более респондентов в каждой возрастной группе (в скобках указано количество выборов, жирным шрифтом выделены концепты, набравшие 100 % совпадающих ответов в выборке).

Таблица 1

**Психосемантическое наполнение персональных макротезаурусов «Я»
у представителей трех возрастных поколений**

Сравниваемые характеристики макротезауруса «Я»	Группы респондентов		
	«Молодые взрослые» (30–40 лет)	Зрелые (45–60 лет)	Пожилые (старше 65 лет)
«Базовый словарь: суще- ствительные, глаголы, прила- гательные»	Женщина/мужчина (30), человек (15), личность (15)	Мать/отец (30)	Работа (30) , любовь (21), созидание (15), женщи- на/мужчина (15), личность (15), человек (15)
	Жить (21), любить (21), радоваться (21)	Любить (15), трудиться (15), делать (15)	Заботиться (30) , радоваться (15), работать (15), трудиться (15), ждать (15), воспитывать (15), думать (15)
	Веселый (21), жизнера- достный (18), сложный (15), разный (15)	Красивый (15), счастливый (15), мудрый (15)	Добрый (21), ответственный (21), трудолюбивый (15), справедливый (15), любящий (15), работающий (15),
«Десятка концептов»	Верность (30), любовь (30), доброта (15), мечты (15), наслаждение (15), свобода (15), стремление (15)	Дружелюбие (15), ответственность (15), преданность (15)	Активность (21), любовь (30) , мудрость (15), развитие (15), человечность (15), ум (15)
«Основной тезис (моралите)»	«Не надо заморачиваться на трудностях и проблемах» (21), «Люблю жизнь во всех ее прояв- лениях» (21)	«Навсегда ни у кого ни- чего не бывает» (18), «Исправить ошибки и вернуть время вспять нельзя» (18)	«Быть собой» (21), «Познаю себя и окружающий мир» (18), «Трудяга по жизни» (21), «До- стигший гармонии» (18), «Бо- рец за справедливость» (15), «Хорошая жена и мать» (15)
«Архетипы» (сказочные герои)	Золушка (30) у женщин; Аполлон (15), Акела (15), Кот в сапогах (15) у мужчин	Золушка (30) , Герда (15) у женщин; один из трех богатырей (30) , Иван-дурак (18) Дядя Стёпа (15), Маугли (15) у мужчин	Золушка (30) , Василиса Пре- мудрая (15), Гадкий утенок (15), Баба-Яга (15) у женщин; Илья Муромец (18), Колобок (18) у мужчин
«Архетипы» (герои книг, фильмов, сериалов)	Люси из «Хроник Нар- нии» (15), Чип и Дейл (15), белка с орехом (15), Бильбо Бэггинс (18) у женщин; Воланд (18), Джек-Воробей (18), Вин- ни-Пух (15) у мужчин	Герда (15), Анжелика (15), Элли (15) у женщин; Атос (30) , граф Монте- кристо (15), Остап Бен- дер (15) у мужчин	Барышня-крестьянка (15), Бедная Лиза (15), Джен Эйр (17), Дон Кихот (15), Наташа Ростова (16), Ассоль (15), мо- лодогвардейцы (22), Павел Корчагин (30) , Татьяна Ла- рина (15), Тимур и его коман- да (16) у женщин; Андрей Болконский (15), Павлик Кор- чагин (21), Пьер Безухов (18), Ходжа Насреддин (15), Чичиков (20), Штирлиц (20) у мужчин
«Шкалы»	«Стремление» (27), «Стабилизация» (16), «Единообразие» (15), «Рациональность» (18), «Идеализм» (15), «Разум» (15), «Закрытость» (15)	«Стремление» (17)	« Стремление » (30), «Созида- ние» (21), «Стабилизация» (21), «Целостность» (23), «Центростремительность» (24), «Иррациональность» (18), «Чувства» (15), «Спонтанность» (23), « Открытость » (30), «Уни- версальность» (20)
«Модусы»	«Жизнь как геройство» (21), «Жизнь как лю- бовь» (23)	«Жизнь как долг» (23), «Жизнь как любовь» (22)	« Жизнь как геройство » (30), « Жизнь как долг » (30), «Жизнь как любовь» (27), «Жизнь как вера» (21), «Жизнь как жертвенность» (17)

Продолжение табл. 1

Сравниваемые характеристики макротезауруса «Я»	Группы респондентов		
	«Молодые взрослые» (30–40 лет)	Зрелые (45–60 лет)	Пожилые (старше 65 лет)
«Персональные списки»	I. «Любовь» (16)	I. «Любовь» (20)	I. «Любовь» (30), «вера» (24)
	II. «Собственный интерес к чему-либо» (21)	II. «Свобода» (22)	II. «Ответственность за другого человека» (17)
	III. «Дружба» (19), «счастье, удовольствие от жизни» (30)	III. «Саморазвитие» (18)	III. «Индивидуальные «жизненные ценности» (25)
	IV. «Планы на будущее» (22)	IV. «Негативные эмоциональные переживания» (15)	IV. «Ответственность за любимое дело, профессию» (15)
	V. «Желания» (23)	V. «Жизненные авантюры, риск» (18)	V. «Дружба» (23), «Счастье, удовольствие от жизни» (15)
«Ассоциативные цепочки»	«Понимающий» (15), «ответственный» (15), «состоявшийся родитель» (15), «хороший друг» (15), «беззаботность» (15), «учеба» (15), «первая любовь» (18), «самостоятельность» (15), «дети» (15), «супружество» (15), «любовь» (15), «работа» (15), «путешествия» (15), «семья» (15), «уверенность в себе» (15), «спокойствие» (15), «забота» (15), «интерес» (15), «надежда» (15), «радость» (15), «смех» (15), «тревога» (15)	«Могу» (15), «родился в СССР» (15), «гибкий» (15), «наставник» (15), «родители» (15), «старая/родительская квартира» (15), «активность» (15)	«Любимый» (15), «ищущий» (15), «самостоятельность» (15), «работа» (15), «семья» (15), «дом» (15), «благодарность родителям/супругу» (15), «любовь к близким» (15), «размышления» (15)
«Я-метафоры»	«Прямо идущий к своей цели» (15), «идущий по жизни легко и непринужденно» (15), «муравей» (15), «свободолюбивая птица» (15)	«Любопытная кошка» (15)	«Победитель» (15), «вера» (15), «патриот» (15)
«Символы»	«Кошка» (15), «цветок» (15), «круг» (15)	«Звезда» (15)	«Инь-ян» (18), «крест» (15), «молния» (15)
«Экзистенциальный словарь»	Активность (30), адекватность (18), адаптация (15), авантюризм (15), благодарность (27), будущее (27), возможность (15), глупость (15), движение (15), дети (18), дом (24), дружба (15), желание (30), жизненные события (15), жизнь (30), забота (30), здоровье (21), здравый смысл (27), интуиция (15), качество жизни (30), личное пространство (21), любовь (30), мать (24), мечты (18), надежность (15), образование (15), ответственность (15), принятие решения (18),	Авантюризм (15), адекватность (15), желание (15), жизнь (15), здоровье (15), интуиция (18), любовь (18), мечты (15), радость (15), семья (15), творчество (21), цель (15), чувствительность (18), ясность (15)	Авторитет (18), адекватность (24), активность (30), альтруизм (30), беспомощность (18), будущее (30), бытие (15), вера (30), верность (27), воспитание (21), глубина (21), грезы (15), глупость (18), дети (30), деятельность (21), долг (30), дом (21), желание (21), жизненные события (27), жизнь (30), забота (30), здоровье (30), здравый смысл (21), идея (21), интеллигентность (15), интуиция (15), качество жизни (15), коммуникация (15), контроль (15), культура (27), личная жизнь (30), личное пространство (24), личность (15), любовь (30), мать (30), мечты (21), мораль (24),

Окончание табл. 1

Сравниваемые характеристики макротезауруса «Я»	Группы респондентов		
	«Молодые взрослые» (30–40 лет)	Зрелые (45–60 лет)	Пожилые (старше 65 лет)
	работа (18), радость (18), семья (18), творчество (18), труд (15), уважение (21), упрямство (15), фантазия (15), хобби (18), художничество (15), целостность (21), целенаправленность (18), цель (30) , человек (24), честь (21), чувствительность (21), эмоциональность (15), энергия (27), ясность (15), яркость (15)		мудрость (30) , навыки (18), надежда (24), нравственность (27), образование (27), память (21), помощь (15), работа (27), работоспособность (21), радость (30) , самовоспитание (18), семья (24), счастье (21), талант (21), традиция (18), труд (30) , уважение (30), усталость (24), факт (21), фантазия (15), хобби (30) , художничество (21), целостность (18), целенаправленность (18), цель (27), цензура (24), честь (30) , чувствительность (15), эмоциональность (21), энергия (30) , ясность (24)

Обсуждение. Анализ ассоциаций, соотносимых респондентами с «Я», показал, что в трех возрастных группах они заметно различаются, имея особые смысловые центры. Так, для группы 30–40-летних респондентов («молодых взрослых») весьма характерным оказалось самоопределение через термины «женщина/мужчина», значительно меньше – через слова «человек» и «личность». Это может объясняться тем, что в современных условиях, когда желание оставаться молодым, не переходить в категорию зрелых людей превратилось в самостоятельный социальный тренд, на первый план выходят психосексуальные аспекты самовосприятия, выражающиеся в подчеркивании своей половой привлекательности и репродуктивной способности, фертильности.

В то же время разворот социокультурных контекстов в сторону большего подчеркивания гуманистических и общечеловеческих характеристик приводит к центрированию на понятии «человек», а нарастание индивидуалистических тенденций – к повышенному вниманию к потребностям собственной личности. Это дополняется семантическим выбором глаголов «жить», «любить», «радоваться», характерных для этой возрастной группы. Он вполне отвечает широко анализируемым сегодня проблемам инфантилизации современных взрослых, особенностям миллениалов, синдрома Питера Пэна, признаков поколения «ЯЯЯ» и др., отражающих устремленность к юношеским формам самореализации и удовлетворении юношеских потребностей и интересов. Используемые для самоописания прилагательные «веселый» и «жизнерадостный» продолжают это «облегченное» самовосприятие, а слова «сложный» и «разный» подчеркивают желание не выглядеть примитивным и похожим на всех.

Иная картина в группе 45–60-летних респондентов («зрелых»), где центральными концептами самоописания стали понятия «мать» и «отец»: опыт родительства, выход на первое место в самоосмыслении родственных связей, семейственности, заботы, фамилистичности существенным образом меняет прежние идентификации, плотнее вписывая человека в ценностный круг семьи, семейной микрокультуры (человек «живет» семьей, супругом, судьбами взрослеющих детей, стареющих родителей). Глаголы «любить», «трудиться» и «делать» в макротезаурусе «Я» этой группы указывают на широкое «особствование» действительности, более уверенное и осмысленное переживание себя в ней как нужного, необходимого. Профессиональный труд и верность семье, близким – пожалуй, два основных тренда этого возраста, две его основные ценности. Вхождение в макротезаурус «Я» прилагательных «красивый», «счастливый» и «мудрый» также подчеркивает иной уровень самовосприятия: осознание своей наполненности экзистенциальным опытом, переживание полноты собственного бытия и счастья от того, что «ты есть» и от «бытия вместе» с теми, кто человеку дорог.

Пожилые респонденты (старше 65 лет), что было почти ожидаемым, ассоциировали «Я» с двумя группами понятий: 1) «работа», «любовь», «созидание» и 2) «женщина/мужчина»,

«личность», «человек». Частота выбора понятий первой группы указывает на тот факт, что сегодняшние границы возрастов сдвинуты и человек старше 65 лет ощущает себя не стареющим и тем более не стариком, а полноценным взрослым – активным, работающим, созидующим, думающим, приносящим пользу профессии и социуму. Концепты второй группы дополняют самовосприятие семантикой, на которую мы указывали выше: подчеркивание своей жизнеспособности вопреки распространенным эйджистским тезисам. На это указывает и более широкий, чем в других возрастных группах, спектр выбранных действий: «заботиться», «радоваться [жизни]», «работать», «трудиться», «ждать», «воспитывать», «думать». Обращает на себя внимание активная направленность вовне у этой группы респондентов: вокруг желания продолжать работать, трудиться, приносить пользу и быть вписанным в социальную жизнь сосредоточены прилагательные макротезауруса «Я» – добрый, ответственный, трудолюбивый, справедливый, любящий, работающий.

Исходя из полученных данных, можно говорить о намечающемся смещении в отношении к себе взрослых людей от традиционной идентификации себя с трудом, работой, профессией, служением к большей сосредоточенности на самом себе. Об этом косвенно говорит и «десятка концептов»: описывая «Я», пожилые респонденты использовали понятия активности, развития, человечности, мудрости, любви и ума, респонденты зрелого возраста упоминали дружелюбие, ответственность, преданность, а вот в макротезаурусе «молодых взрослых» выбор сделан в пользу концептов «любовь», «добродетель», «мечты», «наслаждение», «свобода», «стремление», сильнее ориентированные на собственную личность и достижение эмоционального комфорта. Интересно, что для этой группы высокий уровень востребованности имеет концепт «верность», вероятно, в связи с некоторой общей девальвацией дружеских связей и внутренней неуверенностью в прочности и надежности возникающих привязанностей.

В этой связи любопытно выглядит моралите, которое респонденты разных групп вывели в качестве актуального «жизненного кредо». В группе молодых взрослых отмечается осознанная тенденция не включаться в появляющиеся проблемы, не принимать во внимание трудности и задачи, с которыми сталкивается жизнь («Не надо заморачиваться на трудностях и проблемах»), а наоборот, идти по жизни, обходя препятствия и по возможности эскапируя от проблем («Люблю жизнь во всех ее проявлениях»). Восприятие себя «в стороне» от возможных трудностей вполне корреспондирует с бахтинским «алиби в бытии», к которому тяготеют сегодняшние миллениалы, кидалты, представители «ЯЯЯ-поколения», и одновременно указывает на некоторый доморощенный гедонизм, характерный для этой возрастной группы.

В группе зрелых респондентов, несмотря на то что все они были состоявшимися людьми, имеющими семью, профессию, работу и пр. «атрибуты состоятельности», отмечается отсутствие жизненного воодушевления, предчувствие старения: тезисы, что «навсегда ни у кого ничего не бывает», «исправить ошибки и вернуть время вспять нельзя», указывают, на наш взгляд, как на присутствие жизненных разочарований, так и на печаль по уходящей молодости с ее неистовствами и ошибками, а также на рефлексию завершаемости ряда жизненных моментов и необходимость самостоятельного инициирования перемен.

Пожилые респонденты руководствовались усвоенными еще в юношеской социализации лозунгами, ориентированными на позитивную внешнюю оценочность («Будь самим собой», «Достигший гармонии», «Трудяга по жизни», «Борец за справедливость», «Хорошая жена и мать»). Обобщая высказывания этой группы, можно отметить также самохарактеристики, связывающие человека с общими ценностями труда, профессионализма, справедливости, милосердия, отсутствующими в других группах. В ответах пожилых респондентов присутствует более широкий масштаб самовосприятия, отношение к себе сквозь призму социальной среды, эпохи, исторического времени. В группе «молодых взрослых» такой контекст практически отсутствует, они воспринимают себя исходя из собственных критериев.

Поиск тезаурусных Я-единиц через сказочные архетипы принес неожиданный результат: во всех группах ведущим женским архетипом оказалась Золушка с ее волшебством-везением. Это показывает, что современная женщина в любом возрасте ориентирована на социальный лифтинг за счет удачного брака, а идентификация, несмотря на всю историю феминизма, по-прежнему осуществляется в соответствии с традиционными женскими архетипами: «Золушка демонстрирует, что даже самая социально неблагополучная женщина может достичь успеха в обществе, выиграть в соревновании с другими представителями своего пола, притвориться тем, кем она не является. Это важные техники в борьбе за мужское одобрение» [26, с. 347]. Что касается мужских архетипических самоотнесений, то здесь традиционно

во всех возрастных группах присутствуют воплощающие власть и абстрактную красоту греческие боги, русские богатыри как образцы силы и мужества и сказочные авантюрные персонажи типа Кота в сапогах или Колобка, демонстрирующие хитрость и увертливость. Полная мужская архетипическая триада («отцовство, сила, власть») остается в группе зрелых респондентов в образе заботливого дяди Стёпы, в группе молодых взрослых – в образе Акелы.

Надо отметить, что исследовательский кластер, связанный с архетипами и книжными героями, оказался недостаточно информативным и одновременно стереотипным, что может быть связано с утратой интереса к чтению, отмечавшейся в течение последних социализирующих десятилетий. Также обращает на себя внимание некоторая инфантильность «круга чтения» группы «молодых взрослых», черпающих единицы самоотождествления в подростковой литературе и жанре фэнтези («Хрониках Нарнии», «Гарри Поттере», «Маугли»), мультфильмах и популярных комедиях. Также интересным фактом можно считать использование в женской части выборки в качестве единиц «Я» мужских персонажей (Остапа Бендера, Воланда, Атоса, графа Монтекристо, Андрея Болконского, Павла Корчагина и др.). Косвенно это может указывать на некоторую маскулинизацию женских самопредставлений. В мужской части выборки указанные персонажи дополнялись образами Ходжи Насреддина, Чичикова, Штирлица.

Представители старшей группы сильнее двух других тяготели к образам литературной классики, что связано с их большей «проработанностью» в сознании в качестве образца для идентификации. Кроме того, идеологическая составляющая их социализации взросления (40–50-е годы XX века) отчетливее транслировала «героические» образы, ориентированные на достижения, преодоление, личный аскетизм, подвиги «во имя светлого будущего», движение к великим целям, что наложило свой отпечаток на биографическую память и на формирование индивидуальных жизненных стратегий сегодняшних 65–75-летних. Наконец, для них в большей мере, чем для предшествующих возрастов, характерен адлеровский фикционный финализм, обнаруживающийся в вере в правильность и неизбежность социализационных образцов и принятии их для идентификации как единственно возможных.

Анализ используемых в группе 30–40-летних респондентов семантических осей показал, что кластер «Я» по большей части ассоциируется с полюсами стремления, стабилизации, единообразия, рациональности, идеализма, разума и закрытости. В целом выбор этих тезаурусных единиц согласуется с современными характеристиками взрослости, но несколько удивительным для «молодых взрослых» выглядит общее тяготение к стабилизации и единообразию, хотя ожидалось бы противоположное: ассертивность, многообразие, вариативность самовоплощений. Вероятно, долговременная нестабильность существования, начатая 90-ми годами, породила эту тенденцию к «покою и воле».

Обращает на себя внимание и выбор оси «Закрытость», который мы объясняем погруженностью представителей этой возрастной группы в сетевое общение на фоне уменьшения числа реальных социальных контактов и, соответственно, недостаточности опыта самопрезентации, слабого развития навыков социального взаимодействия, коммуникативных способностей, не говоря уже о сартровских умениях «соблазнять чужую экзистенцию». Вероятно, этим же можно объяснить и неожиданный выбор оси «Идеализм» в противоположность оси «Прагматизм» в этой группе.

В группе зрелых (45–60 лет) респондентов для кластера «Я» значимым оказался лишь выбор оси «Стремление», а старшая группа продемонстрировала широкое разнообразие значимых выборов: «Стремление», «Созидание», «Стабилизация», «Целостность», «Центростремительность», «Иррациональность», Чувства», «Спонтанность», «Открытость», «Универсальность». «Стремление» и «Открытость» оказались абсолютными лидерами в этом списке, и только в ней была выбрана семантическая ось «Открытость», объясняемая коллективистически ориентированной социализацией представителей этого поколения.

Стоит добавить, что все группы респондентов оказались едины в выборе оси «Стремление», в целом указывающем на осознанное (и несколько напряженное) отношение к собственной мотивационно-потребностной сфере, на направленность на достижение конкретных и простых целей. Объясняя этот факт, вероятно, стоит говорить о том, что в принципе весь диапазон взрослого возраста тяготеет к стабилизации сложившегося жизненного уклада, к нежеланию что-либо кардинально менять, чтобы не утратить имеющееся.

Говоря о выборе жизненных модусов нашими респондентами, отметим, что в группе 30–40-летних обнаружилось двухракурсное восприятие себя: как «Я – герой» и как «Я – любимый». Вероятно, в этих выборах сказывается современная слогановая парадигма квазипобед-

ного самоосмысления («Я сделал это!», «Пацан сказал – пацан сделал», «Хочу и буду!»), даже при достижении частного и незначительного результата, и сильное тяготение к тому, чтобы быть замеченным, признанным, одобренным, любимым, даже если для этого нет особых оснований (яркое его проявление – феномен селифизма как своеобразной формы удовлетворения нарциссизма). В группе 45–60-летних респондентов тезаурус «Я» дополняется осмыслением себя как исполняющим некий долг (поставленный самому себе или заданный извне и принятый как неизбежность), живущим по модели должного, осмысленного как правильное, необходимое («Не можешь – научим, не хочешь – заставим»).

Респонденты старше 65 лет продемонстрировали абсолютное единство в восприятии жизни как героизма и как долга, а себя, соответственно, как героев и исполняющих долг, но в их выборах присутствовали также и такие характеристики себя, как «приносящий жертву» и «верующий». Два последних выбора, характерных только для этой возрастной группы, косвенно могут указывать на рефлексию ограничений, пережитых в предшествующих возрастах в связи со сложными социально-экономическими условиями существования и господствующей идеологией.

Тем не менее стоит обратить внимание на то, что во всех группах респондентов присутствовало переживание себя как любящего, любимого и желающего любви. Эту в широком смысле «нужду в Другом» можно связать с неоднократно отмеченными нами в консультативных сессиях жалобами респондентов на невостребованность, недооцененность, неблагодарность близких за всё, сделанное для них, особенно ценой реальных и/или воображаемых личных жертв («ради него я отказалась от получения образования», «чтобы он сделал карьеру, я мыкалась с ним и детьми по гарнизонам», «я воспитывала сына одна, задвинув свои желания и свою молодость в сторону», «я столько лет работаю на фирму, а хоть бы словечко благодарности услышала», «всех продвигают по службе, но не меня, хотя я служу верой и правдой» и пр.).

Этот повсеместный «дефицит любви» и ее словесных и иных выражений звучит во всех возрастных группах и может объясняться нарастающей тенденцией к отчуждению, к восприятию других в качестве средства удовлетворения собственных потребностей, отсутствием опыта психологически значимых отношений. Вообще, любовь как центральная семантическая единица сцеплена в макротезаурусе «Я» всех групп респондентов в разнообразные смысловые синтагмы, и при исследовании личного тезауруса можно зафиксировать такие «сцепки», как: любовь к семье, супружеская любовь, любовь к родителям, любовь к детям, любовь к себе, любовь к родному дому, любовь к профессии, любовь к месту, где респондент родился и живет, любовь к своей стране, любовь к своему делу, любовь к своему прошлому, истории рода и т. д. Этот вывод подтверждается тем, что в персональных списках любви отдана первая позиция во всех возрастных группах при существенной разнице в остальных позициях.

Так, в группе 30–40-летних респондентов тезаурус «Я» включает собственные интересы, получение удовольствия от жизни, индивидуальные желания, планы на будущее и дружбу (как продолжение потребности в близких и значимых отношениях с Другим). Нельзя не заметить отчетливую центрированность этих единиц на себе и отсутствие апелляций к социальным самохарактеристикам. Иная картина в других группах респондентов. Так, в группе 45–60-летних респондентов впервые появляются такие единицы, как «свобода», «саморазвитие», «жизненные авантюры, риск» и «негативные эмоциональные переживания» («на ошибках учимся»). Их персональные списки создают представление о «втором дыхании», переживаемом в зрелости, о расширении границ самоосмысления и намерениях воспользоваться новыми и не использованными ранее жизненными шансами во второй половине жизни.

В старшей группе можно наблюдать явную тенденцию к «осоциализации» «Я», вписыванию себя в широкие социальные контексты, поскольку в самохарактеристиках присутствует такие единицы, как: «ответственность за другого человека», «принятые жизненные ценности», «ответственность за любимое дело, профессию», а также «дружба» и «удовольствие от жизни».

Ассоциативные цепочки очерчивают «тезаурусный» образ «Я» в группе 30–45-летних в целом позитивно, хотя и несколько поверхностно (поскольку максимума ни один концепт не получил). Современный «молодой взрослый» предстает в своих глазах как понимающий, спокойный, уверенный в себе, самостоятельный, ответственный. Свыше половины выборки считают себя состоявшимися людьми и родителями, хорошими друзьями, способными заботиться о других. Одновременно присутствуют амбивалентные характеристики: я беззаботен, смешлив и радостен, но в то же время тревожен; я тяготею к тому, чтобы быть хорошим семьянином, супругом и родителем, но в то же время хочу удовлетворять собственные интересы и

потребности; я работаю и/или учусь то ли в стремлении повысить социальный статус, то ли из-за недостаточной удовлетворенности тем, что имею, в сравнении с другими; я семьянин, но во мне еще свежи воспоминания о первой любви и надежда на новые отношения, и я по-прежнему ориентирован на любовь как на главную потребность; я тяготею к покою и рациональности и в то же время жажду авантюры, риска и переживаю надежду на перемены в своей жизни к лучшему.

Группа 45–60-летних испытуемых демонстрирует иной тезаурусный комплекс. В само-описаниях этой возрастной группы «Я» предстает более цельным и ностальгичным: половина респондентов упомянула, что идентифицируют себя с «рожденными в СССР», их советское прошлое воплощает для них родительский образ и образ старой родительской квартиры. Половина респондентов идентифицируют себя с наставниками молодежи, «учителями жизни» и общей способностью «мочь быть» (они «знают жизнь» и уже готовы делиться опытом, им нужны адепты и слушатели). Также они считают себя активными и гибкими в поведении. Можно предположить, что в таком аутопортрете присутствует несколько одномерный, выпрямленный компонент советской социализации, воспринимаемый как одобряемый/правильный и единственно возможный.

Старшая группа респондентов относится к себе более эмоционально, толерантно и даже снисходительно. Это проскальзывает в таких тезаурусных единицах, как «любимый», «ищущий», «приятный в общении человек», «оптимист», «уникальная личность» и т. п. и может свидетельствовать о более высоком уровне принятия себя таким, как есть, чем в других возрастных группах. Одновременно пожилые респонденты характеризуют себя как самостоятельных (для многих это действительно важно, поскольку обеспечивает личностную автономию), любящих близких и готовых прийти к ним на помощь, благодарных (ушедшим родителям, своей семье, супругу, работе, жизни в целом). Половина респондентов по-прежнему идентифицирует себя с работой и семьей; для многих значимой ценностью являются дом/отчий дом, в котором собираются родственники, и место, где прошло их детство (многие указывали на то, что это отложило отпечаток на характере: сопки Забайкалья, Хабаровский край, Дальний Восток, южное море, маленький пыльный приморский городок, Одесса, Таганрог и т. д. мыслятся как семантические источники собственной личности). Особенно стоит упомянуть, что часть респондентов выделили в тезаурусе «Я» такую единицу, как «размышления/воспоминания» и «утраты», характеризуя себя как «уходящая натура».

Метафорические идентификации оказались недостаточно информативными (вероятно, на ответы респондентов повлиял предложенный в опроснике образец). В «Я»-макротезаурусах «молодых взрослых» обнаружились такие единицы, как «прямо идущий к своей цели», «легко идущий по жизни», «муравей» и «свободолюбивая птица». В группе зрелых респондентов выделилась только одна единица – «любопытная кошка», что, вероятно, можно соотнести с преодолением кризиса среднего возраста, извлечением индивидуальных жизненных уроков и открытием для себя новых жизненных возможностей («жизнь кончается не завтра», «кошка, однажды севшая на горячую плиту, больше не сядет ни на горячую, ни на холодную», «кошка гуляет сама по себе и лишь по весне – с котом»). Старшая группа продемонстрировала некоторое единство в позиционировании себя как победителя, патриота и верующего человека.

Сходная картина обнаружилась и в попытках самосимволизации. Для 30–40-летних респондентов частотными символами оказались «кошка», «цветок» и «круг» с соответствующими коннотациями. Зрелые респонденты выбрали «звезду, [что сорвалась и падает]», а в старшей группе символом «Я» становились изображение инь-ян, креста и молнии. В известном смысле все символы говорят сами за себя: взрослые люди осознают быстротечность и необязательность своего существования и стремятся к полноте и завершенности собственного бытия.

В модельном образованном респондентами словаре жизненного опыта лидирующие позиции у «молодых взрослых» независимо от пола заняли такие единицы, как «активность», «благодарность», «будущее», «желание», «жизнь», «забота», «здоровый смысл», «качество жизни», «любовь», «цель», «энергия». У 45–60-летних ведущую совокупность составили такие единицы, как «бунт», «факт», «цель», «человек» и «энергия», а также (преимущественно у женщин) «творчество», «интуиция», «любовь», «чувствительность». В экзистенциальном словаре пожилых респондентов лидирующие позиции у мужчин заняли такие единицы, как «жизнь», «ясность», «желание», «дети», «память», «честь», у женщин – «забота», «дети», «честь», «труд», «уважение».

Заключение. Обобщая полученные данные, отметим, что общей чертой в возрастных моделях «Я»-тезаурусов является массовая ориентация на концепты «Я – любимый/любящий/нуждающийся в любви», «Я – стремящийся/устремленный» и «Я – это моя семья/дети». В то же время в других единицах макротезауруса «Я» фиксируются различия.

Так, в выборке 30–40-летних респондентов макротезаурус «Я» предстает как совокупность следующих центральных единиц: «мужчина/женщина», «человек», «личность», «активность», «удовольствие от жизни». В группе респондентов 45–60 лет центральными единицами макротезауруса «Я» можно считать такие концепты, как: «мать (материнство)/отец (отцовство)», «любовь», «мудрость», «счастье», «ответственность», «преданность», «дружелюбие», «творчество», «понимание», «служение». Для группы респондентов старше 65 лет макротезаурус «Я» центрирован на концептах: «работа/работник», «созидание/созидатель», «забота», «добродетель», «ответственность», «радость», «мудрость», «ответственность», «личный вклад [в общество, в других людей, в профессию]», «долг», «польза [от тебя другим]», «самопринятие», «опыт», «самопознание».

Список литературы

1. Аванесян М. О. Альтернативная автобиографическая история как составляющая возможного «я» // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 61. 4 с. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 7.05.2020).
2. Агапов О. Д. Интерпретация как практика автопоэзиса человеческого бытия. Казань : Познание, 2009. 248 с.
3. Апполонова Ю. С. Экзистенциальный опыт как предпосылка трансцендирования // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 9 (419). Философские науки. Вып. 49. С. 38–45. DOI: 10.24411/1994-2796-2018-10906.
4. Бурханов Р. А., Никулина О. В. Концепция экзистенциалов в трактате М. Хайдеггера «Бытие и время» // Манускрипт. 2018. № 5. С. 65–68.
5. Воге П. Н. Я. Индивид в истории культуры. СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2015. 728 с.
6. Волкова Т. Г. Анализ образа Я как продукта самосознания личности // Современная психология : материалы I Международной научной конференции (Пермь, июнь 2012 г.). Пермь : Меркурий, 2012. С. 1–4. URL: <https://moluch.ru/conf/psy/archive/34/2415> (дата обращения: 11.05.2020).
7. Гуманитарное знание: тенденции развития в XXI веке / под общ. ред. Вал. А. Лукова. М. : Изд-во Национального института бизнеса, 2006. 680 с.
8. Знаков В. В. Ценностное осмысление человеческого бытия: тезаурусное и нарративное понимание событий // Сибирский психологический журнал. 2011. № 40. С. 118–128.
9. Игнатов И. А. Личность: лингвистический анализ. Семантика и функционирование слова «личность» в русском языке. Человек как носитель личностных характеристик и его отображение в художественном тексте : автореферат дис. ... к. филол. н. : 10.02.01. Киров, 2013. 26 с.
10. Кант И. Прелегомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука // Сочинения : в 6 т. Т. 4. Ч. 1. / И. Кант. М. : Мысль, 1965. С. 69–210.
11. Клементьева М. В. Биографическая рефлексия как ресурс саморазвития взрослых людей // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 1. С. 14–23. DOI: 10.17759/chp.2016120102.
12. Костенко В. Ю. Возможное Я: концепция Хейзел Маркус // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 13. № 2. С. 421–430.
13. Костина А. В. Теоретические проблемы современной культурологии: Идеи, концепции, методы исследования. М. : ЛИБРОКОМ, 2008. 288 с.
14. Красных В. В. Концепт «Я» в свете лингвокультурологии // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. Вып. 23. М. : МАКС Пресс, 2003. С. 4–14.
15. Лотман Ю. М. Феномен культуры // Семиосфера / Ю. М. Лотман. СПб. : Искусство-СПб, 2001. С. 568–580.
16. Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. М. : Изд-во Национального института бизнеса, 2008. 784 с.
17. Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусы II: Тезаурусный подход к пониманию человека и его мира. М. : Изд-во Национального института бизнеса, 2013. 640 с.
18. Луман Н. Самоописание. М. : Логос, Гнозис, 2009. 320 с.
19. Матурана У., Варела Ф. Дерево познания: Биологические корни человеческого понимания. М. : Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.
20. Монтчелли Д. Самоописание, диалог и периферия у позднего Лотмана // НЛО. 2012. № 3 (115). С. 40–56.
21. Неретина С. С. Тропы и концепты. М. : Изд-во ИФ РАН, 2013. 278 с.
22. Низовских Н. А. Человек как автор самого себя. М. : Смысл, 2007. 256 с.
23. Онтология/антология движения: А. Ф. Управителей / сост. Л. Управительева. Барнаул, 2010. 256 с.

24. *Онтологии и тезаурусы: Модели, инструменты, приложения* / В. Д. Соловьев [и др.]. Казань, М. : Интернет-университет информационных технологий ; Бином ; Лаборатория знаний, 2006. 156 с.
25. *Павлова А. А. Жанр, гипертекст, интертекст, концептосфера* (На материале внутрисемейных родословных). Белгород : Изд-во БелГУ, 2004. 162 с.
26. *Петровский В. А. Я: Конфигурации артефакта* // Культурно-историческая психология. 2014. № 1. С. 63–78.
27. *Попов А. П. Изобретенное «Я»: самореферентность и самописание* // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2017. № 3. С. 94–104.
28. *Поршнева А. С., Бороненко А. В. Зарубежный «Роман о Золушке»: к истории вопроса* // Вестник Чувашского университета. 2012. № 2. С. 341–351.
29. *Розов М. А. Рефлектирующие системы, ценности и цели* // Идеал, утопия и критическая рефлексия / отв. ред. В. А. Лекторский. М. : РОССПЭН, 1996. С. 188–242.
30. *Рот Г. Реальность и действительность* // Дискурс радикального конструктивизма: Традиции скептицизма в современной философии и теории познания / С. Цоколов. Мюнхен : Phren, 2000. С. 289–312.
31. *Сапогова Е. Е. Концепт «жизнь» в персональных тезаурусах взрослых людей* // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2020. Т. 10. Вып. 2 (в печати).
32. *Сапогова Е. Е. Лабиринты автобиографии: Экзистенциально-нарративный анализ личных историй*. СПб. : Алетейя, 2017. 364 с.
33. *Сапогова Е. Е. Структура личностного тезауруса: экзистенциально-психологический подход* // Сибирский психологический журнал. 2019. № 73. С. 40–59. DOI: 10.17223/17267080/73/3.
34. *Сапогова Е. Е. Субъективная онтология и жизненный мир личности* // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 1. С. 35–45. DOI: 10.17759/CHP.2019150104.
35. *Семенов И. Н. Рефлексивность самонаблюдения и персонология интроспекции: к онтологии и методологии рефлексивной психологии индивидуальности* // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2015. № 3. С. 22–39.
36. *Смирнов С. А. Форсайт человека: Опыты по неклассической философии человека*. Новосибирск : Офсет, 2015. 660 с.
37. *Эпштейн М. Н. Жизнь как тезаурус* // Постнеклассическая психология. 2007. № 4. С. 47–56.
38. *Ясперс К. Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции*. М. : Канон+, 2012. 448 с.
39. *Aitchison J. Thesaurus Construction and Use*. London: Routledge, 2001. 230 p.
40. *Heintzelman S. J., King L. A. Meaning in life and intuition* // Journal of Personality and Social Psychology. 2016. Vol. 110 (3). Pp. 477–492. DOI: 10.1037/pspp0000062.
41. *Jackendoff R. S. Language, Consciousness, Culture: Essays on Mental Structure (Jean Nicod Lectures)*. Cambridge, Massachusetts : MIT Press, 2007. 432 p.
42. *Puffed-up but shaky selves: State self-esteem level and variability in narcissists* / K. Geukes [et al.] // Journal of Personality and Social Psychology. 2017. Vol. 112 (5). Pp. 769–786.

Psychosemantic content of "Me"-macrothesaurus of adults, mature and elderly people

E. E. Sapogova

Doctor of psychology, professor, Moscow State Pedagogical University.
Russia, Moscow. ORCID: 0000-0002-0581-7429. E-mail: esapogova@yandex.ru

Abstract. In the framework of the author's existential-narrative approach this study was carried out as a part of the verification of the hypothesis about the four-level structure of the personal thesaurus, which is represented by the meta-level (subjective ontology of personality), the macro-level (the macroconcepts "Me" and "Life"), the mini-level (concepts-existentials) and the micro-level (semantic concepts-quanta). The results of an empirical research of the "Me"-macrothesauri are presented, in which three age groups of respondents participated: 30 "young adults" (30–40 years old), 30 mature (45–60 years old) and 30 elderly (older than 65 years). The study used the author's psychological technique "Semantic personal thesaurus". It was found that with the coincidence of three system-forming semantic units ("I'm beloved / loving / needing love", "I'm striving / aspiring", "I am my family / children"), there are differences in the "Me"-macrothesauri related to processes of previous socialization and to the existential experience of the subject. In the cluster of 30–40-year-old respondents, the "Me"-macrothesaurus appears as the aggregate of the following central units: "I'm a man / woman", "I'm a human", "I'm a person", "I'm active", "I am enjoying life". In the group of respondents aged 45–60 years, the central units of the "Me"-macrothesauri can be considered the concepts "I'm a mother (motherhood) / father (fatherhood)", "I'm wise", "I'm happy", "I'm responsible", "I am devotee", "I am friendly", "I am creative", "I am understanding", "I serve [my family, country]". For the group of respondents over 65, the "Me"-macrothesauri were centered on the concepts: "I am my work (I'm an employee / hard worker)", "I am creative", "I'm caring

[for others]", "I'm good / benevolent / merciful", "I'm responsible", "I'm rejoicing", "I'm wise", "I have made a personal contribution [to society, to other people's lives, to my profession]", "I'm doing my duty / I have fulfilled my duty", "I benefit others", "I accept myself as is", "I'm experienced", "I'm learning to know myself".

Keywords: personal (individual) thesaurus, "Me"-macrothesaurus, autopoiesis, concept, personality.

References

1. Avanesyan M. O. *Al'ternativnaya avtobiograficheskaya istoriya kak sostavlyayushhaya vozmozhnogo "ya"* [Alternative autobiographical history as a component of the possible "I"] // *Psihologicheskie issledovaniya* – Psychological research. 2018. Vol. 11. No. 61. 4 p. Available at: <http://psystudy.ru> (date accessed: 7.05.2020).
2. Agapov O. D. *Interpretatsiya kak praktika avtopoezisa chelovecheskogo bytiya* [Interpretation as practice of autopoiesis of human existence]. Kazan. Poznanie. 2009. 248 p.
3. Appolonova Yu. S. *Ekzistencial'nyj opyt kak predposylka transcendirovaniya* [Existential experience as a prerequisite for transcendence] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of the Chelyabinsk State University. 2018. No. 9 (419). Philosophical science. Is. 49. Pp. 38–45. DOI: 10.24411 / 1994-2796-2018-10906.
4. Burhanov R. A., Nikulina O. V. *Koncepciya ekzistencialov v traktate M. Hajdeggera "Bytie i vremya"* [Concept of existentials in M. Heidegger's treatise "Being and time"] // *Manuskript* – Manuscript. 2018. No. 5. Pp. 65–68.
5. Voge P. N. *Ya. Individ v istorii kul'tury* [I. Individual in the history of culture]. SPb. Center for humanitarian initiatives. 2015. 728 p.
6. Volkova T. G. *Analiz obraza Ya kak produkta samosoznaniya lichnosti* [Analysis of an image I as a product of consciousness of the person] // *Sovremennaya psihologiya : materialy I Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Perm', iyun' 2012 g.)* – Modern psychology : materials of the I International scientific conference (Perm, June 2012). Perm. Mercuriy. 2012. Pp. 1–4. Available at: <https://moluch.ru/conf/psy/archive/34/2415> (date accessed: 11.05.2020).
7. *Gumanitarnoe znanie: tendencii razvitiya v XXI veke* – Humanitarian knowledge: the tendencies of development in the XXI century / ed. by Val. A. Lukov. M. National Institute of business. 2006. 680 p.
8. Znakov V. V. *Cennostnoe osmyslenie chelovecheskogo bytiya: tezaurusnoe i narrativnoe ponimanie sobytij* [Valuable understanding of human existence: thesaurus and narrative understanding of events] // *Sibirskij psihologicheskij zhurnal* – Siberian psychological journal. 2011. No. 40. Pp. 118–128.
9. Ignatov I. A. *Lichnost': lingvisticheskij analiz. Semantika i funkcionirovanie slova "lichnost'" v russkom yazyke. Chelovek kak nositel' lichnostnykh harakteristik i ego otobrazhenie v hudozhestvennom tekste : avtoreferat dis. ... k. filol. n. : 10.02.01* [Personality: linguistic analysis. Semantics and functioning of the word "personality" in Russian. Man as a carrier of personal characteristics and its display in a literary text : abstract dis. ... PhD of Philosophical Sciences: 10.02.01]. Kirov. 2013. 26 p.
10. Kant I. *Prolegomeny ko vsyakoj budushhej metafizike, mogushhej poyavit'sya kak nauka* [Prolegomena to any future metaphysics that may appear as a science] // *Sochineniya : v 6 t. T. 4. Ch. 1* – Works : in 6 vols. Vol. 4. Part 1. / I. Kant. M. Mysl'. 1965. Pp. 69–210.
11. Klement'eva M. V. *Biograficheskaya refleksiya kak resurs samorazvitiya vzroslykh lyudej* [Biographical reflection as a resource for self-development of adults] // *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya* – Cultural and historical psychology. 2016. Vol. 12. No. 1. Pp. 14–23. DOI: 10.17759/chp.2016120102.
12. Kostenko V. Yu. *Vozmozhnoe Ya: koncepciya Hejzel Markus* [Possible I: the concept of Hazel Marcus] // *Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* – Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2016. Vol. 13. No. 2. Pp. 421–430.
13. Kostina A. V. *Teoreticheskie problemy sovremennoj kul'turologii: Idei, koncepcii, metody issledovaniya* [Theoretical problems of modern cultural studies: Ideas, concepts, research methods]. M. LIBROKOM. 2008. 288 p.
14. Krasnyh V. V. *Koncept "Ya" v svete lingvokul'turologii* [Concept of "I" in the light of linguoculturology] // *Yazyk, soznanie, kommunikaciya : sb. statej* – Language, consciousness, communication : collection of articles / ed. V. V. Krasnyh, A. I. Izotov. Vol. 23. M. MAKS Press. 2003. Pp. 4–14.
15. Lotman Yu. M. *Fenomen kul'tury* [Phenomenon of culture] // *Semiosfera* – Universe of the mind / Yu. M. Lotman. SPb. Art-SPb. 2001. Pp. 568–580.
16. Lukov Val. A., Lukov Vl. A. *Tezaurusy: Sub'ektnaya organizaciya gumanitarnogo znaniya* [Thesauri: Subjective organization of the Humanities]. M. National Institute of business. 2008. 784 p.
17. Lukov Val. A., Lukov Vl. A. *Tezaurusy II: Tezaurusnyj podhod k ponimaniyu cheloveka i ego mira* [Thesauri II: Thesaurus approach to understanding a person and his world]. M. National Institute of business. 2013. 640 p.
18. Luman N. *Samoopisaniya* [Self-description]. M. Logos, Gnosis. 2009. 320 p.
19. Maturana U., Varela F. *Drevo poznaniya: Biologicheskie korni chelovecheskogo ponimaniya* [Tree of knowledge: Biological roots of human understanding]. M. Progress-Tradiciya. 2001. 224 p.
20. Montichelli D. *Samoopisanie, dialog i periferiya u pozdnego Lotmana* [Self-description, dialogue and periphery in the late Lotman] // *NLO – UFO*. 2012. No. 3 (115). Pp. 40–56.
21. Neretina S. S. *Tropy i koncepty* [Tropes and concepts]. M. IPh RAS. 2013. 278 p.

22. Nizovskih N. A. *Chelovek kak avtor samogo sebya* [Man as the author of himself]. M. Smysl. 2007. 256 p.
23. *Ontologiya/antologiya dvizheniya: A. F. Upravitelev* – Ontology / anthology of the movement: A. F. Pravitelev / comp. L. Praviteleva. Barnaul. 2010. 256 p.
24. *Ontologii i tezaury: Modeli, instrumenty, prilozheniya* – Ontologies and thesaurus: Models, tools, applications / V. D. Solovyov [et al.]. Kazan, M. Internet university of information technologies ; Binom ; Laboratoriya znaniy. 2006. 156 p.
25. Pavlova A. A. *Zhanr, gipertekst, intertekst, konceptosfera (Na materiale vnutrisemejnyh rodoslovnnyh)* [Genre, hypertext, intertext, conceptsphere (based on the material of intra-family pedigrees)]. Belgorod. BSU. 2004. 162 p.
26. Petrovskij V. A. *Ya: Konfiguracii artefakta* [I: Configurations of an artifact] // *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya* – Cultural and historical psychology. 2014. No. 1. Pp. 63–78.
27. Popov A. P. *Izobretennoe "Ya": samoreferentnost' i samoopisanie* [The invented "I": self-reference and self-description] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya* – Herald of the Moscow University. Series 7: Philosophy. 2017. No. 3. Pp. 94–104.
28. Porshneva A. S., Boronenko A. V. *Zarubezhnyj "Roman o Zolushke": k istorii voprosa* [Foreign "novel about Cinderella": to the history of the issue] // *Vestnik Chuvashskogo universiteta* – Herald of the Chuvash University. 2012. No. 2. Pp. 341–351.
29. Rozov M. A. *Reflektiruyushhie sistemy, cennosti i celi* [Reflexive systems, values and goals] // *Ideal, utopiya i kriticheskaya refleksiya* – Ideal, utopia and critical reflection / ed. V. A. Lektorsky. M. ROSSPEN. 1996. Pp. 188–242.
30. Rot G. *Real'nost' i dejstvitel'nost'* [Reality and actuality] // *Diskurs radikal'nogo konstruktivizma: Tradicii skepticizma v sovremennoj filosofii i teorii poznaniya* – The discourse of radical constructivism: Tradition of skepticism in modern philosophy and theory of knowledge / C. Sokolov. Munich. Phren. 2000. Pp. 289–312.
31. Sapogova E. E. *Koncept "zhizn'" v personal'nyh tezaurusah vzroslyh lyudej* [Concept of "life" in personal thesauruses of adults] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psihologiya* – Herald of the Saint Petersburg University. Psychology. 2020. Vol. 10. Is. 2 (in print).
32. Sapogova E. E. *Labirinty avtobiografii: Ekzistencial'no-narrativnyj analiz lichnyh istorij* [Labyrinths of autobiography: Existential-narrative analysis of personal stories]. SPb. Aletya. 2017. 364 p.
33. Sapogova E. E. *Struktura lichnostnogo tezaurusa: ekzistencial'no-psihologicheskij podhod* [Structure of the personal thesaurus: existential-psychological approach] // *Sibirskij psihologicheskij zhurnal* – Siberian psychological journal. 2019. No. 73. Pp. 40–59. DOI: 10/17223/17267080/73/3.
34. Sapogova E. E. *Sub'ektivnaya ontologiya i zhiznennyj mir lichnosti* [Subjective ontology and the life world of the individual] // *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya* – Cultural and historical psychology. 2019. Vol. 15. No. 1. Pp. 35–45. DOI: 10.17759/ChP. 2019150104.
35. Semenov I. N. *Refleksivnost' samonablyudeniya i personologiya introspekcii: k ontologii i metodologii refleksivnoj psihologii individual'nosti* [Reflexivity of introspection and personology of introspection: on the ontology and methodology of reflexive psychology of individuality] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psihologiya* – Herald of the Moscow University. Series 14: Psychology. 2015. No. 3. Pp. 22–39.
36. Smirnov S. A. *Forsajt cheloveka: Opyty po neklassicheskoj filosofii cheloveka* [Human foresight: Experiments on non-classical human philosophy]. Novosibirsk. Offset. 2015. 660 p.
37. Epshtejn M. N. *Zhizn' kak tezaurus* [Life as a thesaurus] // *Postneklassicheskaya psihologiya* – Post-nonclassical psychology. 2007. No. 4. Pp. 47–56.
38. Yaspers K. *Filosofiya. Kniga vtoraya. Prosvetlenie ekzistencii* [Philosophy. The second book. Enlightenment of existence]. M. Kanon+. 2012. 448 p.
39. Aitchison J. *Thesaurus Construction and Use*. London. Routledge. 2001. 230 p.
40. Heintzelman S. J., King L. A. *Meaning in life and intuition* // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2016. Vol. 110 (3). Pp. 477–492. DOI: 10.1037/pspp0000062.
41. Jackendoff R. S. *Language, Consciousness, Culture: Essays on Mental Structure (Jean Nicod Lectures)*. Cambridge. Massachusetts. MIT Press. 2007. 432 p.
42. Puffed-up but shaky selves: State self-esteem level and variability in narcissists / K. Geukes [et al.] // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2017. Vol. 112 (5). Pp. 769–786.